

Биография и произведения О. послужили материалом для пьесы А. Буравского «Говори!» (1986), которая шла на сцене Московского драматического театра им. М. Н. Ермоловой.

Соч.: СС: в 3 т. / сост. и подгот. текста М. М. Колосова и В. В. Овечкина; вступ. статья Ю. Д. Черниченко. М., 1989–90; Избранное: Повести, рассказы, очерки [С биографической справкой]. Курск, 1955; Пусть это сбывается: пьесы. М., 1962; Избранные произведения: в 2 т. М., 1963; [Автобиография] // Советские писатели. Автобиографии / сост. Б. Я. Брайнина, А. Н. Дмитриева. М., 1972. Т. 4. С. 473–491; Статьи, дневники, письма / сост. Л. Ш. Вильчек, В. В. Овечкин, А. Н. Узилевский. М., 1972; Заметки на полях / вступ. статья М. М. Колосова. М., 1973. (Писатели о творчестве); В середине века: Переписка А. Т. Твардовского и В. В. Овечкина. 1946–1968 гг. / публ., комм., послесл. М. И. Твардовской // Север. 1979. № 10. С. 94–120; 1980. № 2. С. 83–110; Районные будни: Из записных книжек и дневников. Воронеж, 1980.

Лит.: Виденский И. Г. Валентин Овечкин: Памятка читателю. Курск, 1954; Приваленко М. Е. Валентин Овечкин: Критико-биографический очерк. Курск, 1955; Старикова Е. В. Поэзия мысли и борьбы // Знамя. 1956. № 12. С. 189–199; Тимофеева В. В. Из наблюдений над творческой работой В. Овечкина // Вопр. советской лит-ры. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 255–284; Лапшин М. А. Валентин Овечкин // Нева. 1961. № 4. С. 183–192; Виноградов И. Деревенские очерки Валентина Овечкина // Новый мир. 1964. № 6. С. 207–229; Владимирова Г. Утверждающая сила таланта: Заметки о творчестве В. Овечкина // Звезда Востока. 1964. № 11. С. 150–160; Валентин Владимирович Овечкин / сост. Э. М. Румянцева // Русские советские писатели: биобибл. указатель. Л., 1964. Т. 3. С. 322–337; Твардовский А. Т. Памяти Валентина Овечкина // Новый мир. 1968. № 1. С. 285–286; (То же под назв. «В. В. Овечкин» // Твардовский А. СС: в 6 т. 1980. Т. 5. С. 282–283); Троепольский Г. Н. О Валентине Овечкине // Новый мир. 1968. № 9. С. 33–35; Залыгин С. П. О Валентине Овечкине // Новый мир. 1968. № 9. С. 31–33; Калинин А. В. Пахарь и солдат // Дон. 1971. № 10. С. 181–187; Иванов Л. И. Встречи с Валентином Овечкиным // Сибирские огни. 1972. № 4. С. 152–160; Канторович Вл. «Делать правду»: (В. Овечкин и совр. очерк) // Вопр. лит-ры. 1974. № 6. С. 151–172; Атаров Н. С. Дальняя дорога: Лит. портрет В. Овечкина. М., 1977; Вильчек Л. Ш. Валентин Овечкин. Жизнь и творчество. М., 1977; Черниченко Ю. Д. Мои властители дум // Лит. учеба. 1979. № 3. С. 107–113; Воспоминания о В. Овечкине: сб. / сост. М. М. Колосов. М., 1982; Лапшин М. А. «Хочешь светить — гори!» // Наш современник. 1984. № 9. С. 179–185; Иванов Л. И. О моем времени // Октябрь. 1986. № 8. С. 178–183; [Овечкин и Твардовский]; № 9. С. 151–158; [Валентин Овечкин в Сибири]; Стреляный А. «Районные будни»: К 30-летию выхода в свет // Новый мир. 1986. № 12. С. 231–240; Черниченко Ю. Д. Поднявшийся первым // Новый мир. 1989. № 9. С. 178–192; Вильчек Л. Ш. Советская публицистика 50–80-х годов (От В. Овечкина до

Ю. Черниченко). М., 1996; Крюкова Н. Жил по правде. У земляков Валентина Овечкина // Правда. 1999. № 68. 22–23 июня. С. 4; Молчанов В. Дорогие страницы памяти. К 100-летию со дня рождения В. В. Овечкина // Наш современник. 2004. № 6. С. 187–194.

П. В. Бекедин

ОДАРЧЕНКО Юрий Павлович [1903(?) — 25.8.1960, Париж] — поэт, прозаик.

Детство провел на Украине, после эмиграции жил в Париже. Был владельцем небольшого ателье, работал художником по тканям, его рисунки ценились за оригинальность, вкус и мастерство. О. дружил с поэтом В. Смоленским, но сторонился лит. кругов; был изгоем в среде русского Монпарнаса — и в довоенные, и в послевоенные годы. Среди живых еще поэтов «парижской ноты» говорить о нем «было как-то страшновато и почти неприлично» (Бетаки В. Корень зла // Одарченко Ю. Стихи и проза. Париж, 1983. С. 233).

После войны редактировал вместе с В. Смоленским и Анат. Зайкевичем альм. «Орион», где печатались И. Бунин, Б. Зайцев, А. Ремизов, Г. Иванов и др. В эти же годы начинает публиковаться в «Новом ж.» (стихи) и в «Возрождении» (проза). В 1949 выпускает первую и единственную книгу стихов «Денеж» (Париж), которая сразу обратила на себя внимание. По словам Г. Иванова, «стихи Ю. Одарченко — смелые и оригинальные, ни на кого не похожие, поразили и удивили: неизвестно откуда вдруг появился новый самобытный поэт» (Возрождение. 1950. № 10. С. 180). Среди др. откликов интересна аналитическая рецензия Ю. Иваска (Опыты. 1953. № 1).

Ю. П. Одарченко

Сведения о жизни О. крайне скудны. По немногочисленным воспоминаниям друзей и знакомых, О. предстает как оригинальная личность, для характеристики которой важны не столько внешние обстоятельства жизни, сколько манера поведения и странные привычки: никогда не снимаемый берет (О. стеснялся своей лысины), ненависть к зеркалам, импровизированные истории фантастико-анекдотического характера, в которых утверждалось умение О. видеть незримый мир «элементалов», «нижних духовных существ» (Померанцев К. Ю. П. Одарченко и его мир // Одарченко Ю. Стихи и проза. С. 1). Об интересе О. к загадочным явлениям психической жизни говорит и его проза, в частности рассказ **«Ночное свидание»** (1956), где ничего не подозревающего автора навещает уже умерший друг (в котором можно опознать В. Смоленского). Причины смерти О. неизвестны (он был найден возле плиты, с резиновой газовой трубкой во рту, после чего прожил в больнице всего 2–3 дня), но, вероятно, их следует искать в постоянной душевной неустроенности и в вечно испытываемом одиночестве, от которого О. не спасала ни семейная жизнь (он был женат дважды), ни общение с друзьями.

Помимо стихов, перу О. принадлежат несколько прозаических опытов, большая часть которых представляет собой отдельные главы и отрывки из незаконченной автобиографической повести **«Детские страхи»**. О. принадлежит также 2 эссе: **«Истоки смеха»** и **«Дикий виноград»**. Наиболее полный свод текстов О. вошел в сб., составленный В. Бетаки (**Стихи и проза**. Париж, 1983), куда включены варианты и ранее не публиковавшиеся произведения. Поэтическую «генеалогию» О. определить нелегко. Об этом говорит и свидетельство К. Померанцева: «Мне много приходилось встречаться с советскими поэтами от Твардовского до Слуцкого (перечислять всех не стану), и решительно все попросту балдели перед этими, ни на какие другие не похожими стихами, просили перечитывать по несколько раз, записывали, считали их „новой страницей в русской поэзии“» (Померанцев К.— С. 11).

В творчестве О. есть много черт, роднящих его с обэриутами, например, в строчках «Подайте самовар. / Клавдия Петровна, / Он блестит как медный шар, / От него струится пар, / В нем любви пылает жар... / Чай в двенадцать ровно!» (Стихи и проза. С. 29) заметно и тематическое и интонационное сходство с «Самоваром» Хармса. Но почти детское стих. О. кончается внезапным ужасом, за которым угадывается встреча со смертью.

Для поэзии О. характерны сюрреалистические сюжеты, неожиданные детали, часто это почти детские стихи, но всегда граничащие с кошмаром: «Мальчик катит по дорожке / Легкое серсо. <...> / Мальчик смотрит, улыбаясь: / Ворон на суку, / А под ним висит, качаясь, / Кто-то на суку» (Там же. С. 6). Иногда за этим «слоем» можно различить следующий, более светлый. Как заметил Ю. Иваск: «По первому впечатлению — это какой-то странное-добродушный садизм или сентиментальное смакование ужасиков (выражение Андрея Белого). Второе впечатление здесь — чувство раздавленности. И столько скрытой жалости. И какая это грусть». При этом критик чувствует и нечто иное: «Но слышится и музыка, вопреки всему — светлая музыка, которая никого не спасет и иногда только утешает» (Опыты. 1953. № 1. С. 202).

Контраст детского и страшного, страшного и смешного отражает главный мотив творчества О. Об этом говорят и само название незаконченной повести **«Детские страхи»**, и его эссе **«Истоки смеха»**, в котором утверждается мысль, что «человек стал человеком, когда первый раз рассмеялся», что смех — это «реакция на страх», и в нем заключалось освобождение первобытного человека от власти инстинкта (Стихи и проза. С. 206, 208). Возможно, мрачный юмор О. — это способ выйти за рамки жестокого бытия, поскольку сам земной мир — это замкнутое, с непреодолимыми границами пространство: «...Решив края покинуть эти, / Я расшибу о стенку лоб, / Поняв, что мир — закрытый гроб» (Там же. С. 27). При этом одним из несомненных источников его неожиданной поэзии следует назвать народные сказки, а также детские «страшилки» и детские выдумки. Так, в одном из детских разговоров в рассказе **«Псел»**: «...он говорит, что если натянуть ниточку, такую тонкую, что и глазом не видно, и если эта ниточка такая крепкая, что порваться не может, — то, вот он говорит, что если слон через нее пройдет, то ничего не заметит, хотя она его перережет» (Там же. С. 112), — угадывается прообраз одного из самых известных стих. О. **«Чистый сердцем»**: «По канату слоник идет — / Хоботверху, топорщатся уши. / По канату слоник вперед / Сквозь моря продвигается к суше. / Как такому тяжелому Бог / Позволяет ходить по канату? / Тумбы три вместо маленьких ног, / А четвертая кажется пятой. / Вдруг в пучину сияющих вод, / Оступившись, скользнет осторожный? / Продвигается слоник вперед, / Продолжая свой путь невозможный. / Если так, то подрежем канат, / Обманув справед-

ливого Бога. / Бог почил, и архангелы спят... / „Ах, мой слоник!..“ — туда и дорога! / Все на небе так сладостно спит, / А за слоника кто же осудит?! / Только сердце твердит и твердит, / Что второе пришествие будет».

По мнению В. Бетаки, поэзия О.— это попытка проникнуть в «корень зла», заключенный в человеке, уже после того, как Ш. Бодлером были показаны «цветы зла»: «Одарченко словно рисует нам трехслойную схему человеческой психологии: в глубинах глубин — вера, совесть, духовность. Выше — слой всего мерзкого. Это и есть подполье. А совсем сверху — тонкая кора благопристойности, приличия, короче, все, что отблескивает лицемерием, которое мы так тщимся выдать за свою сущность, словно мы однородны насквозь... Одарченко видит себя без верхнего слоя» (Бетаки В.— С. 238). Эта безжалостная честность О. перед самим собой несет на себе и оттенок какой-то высшей надежды. Так, в последних строчках процитированного стих. («второе пришествие будет») за темой Страшного суда можно расслышать и тему Божьего прощения. И сама композиция книги «Денек», где в конце стоит стих., наиболее ценное самим О. и утверждающее божественное обещание бессмертия, говорит об этом грядущем просветлении.

Соч.: Стихи и проза / сост. В. Бетаки; предисл. К. Померанцева. Париж, 1983; Из поэзии Русского зарубежья: Стили Г. Иванова, В. Смоленского, Ю. Одарченко // Лит. обозрение. 1990. № 7; «Чайная роза» и др. // Вернуться в Россию стихами... М., 1995. С. 354–356.

Лит.: Померанцев К. Памяти поэта: Юрий Одарченко и его стихи // Мосты. 1960. № 5; Одоевцева И. Об Одарченко // Русская мысль. 1984. 8 нояб.; Померанцев К. Вспоминая Юрия Павловича Одарченко // Русская мысль. 1985. 25 апр.; Крейд В. [Биограф. справка] // Вернуться в Россию стихами... М., 1995. С. 644–645.

С. Р. Федакин

ОДОЕВЦЕВА Ирина Владимировна (настоящее имя Ираида Густавовна Иванова, урожденная Гейнике) [23.11(5.12).1895, Рига — 18.10.1990, Ленинград] — поэтесса, прозаик.

Родилась в семье адвоката. Ученица Н. С. Гумилева, член петербургского «Цеха поэтов». Первая публикация в сб. «Дом искусств» (1921. № 2). Первый поэтический сб. «Двор чудес» (1922), где выделяются баллады («Баллада о толченом стекле», высоко оцененная еще А. Блоком) и лирические стих. несколько «в ахматовском духе» — очень «женские», исполненные как бы наив-

ного кокетства и легкой иронии. Книга удостоилась своеобразной «рецензии» самого Л. Троцкого на страницах «Правды»: «Когда среди столь ныне многочисленных „нейтральных“ книжечек и книжонок попадает „Двор чудес“ Ирины Одоевцевой, то вы уже почти готовы примириться с неправдой этой модернизированной романтики саламандр, рыцарей, летучих мышей и умершей луны во имя двух-трех пьес, отражающих жестокий советский быт. Тут баллада об извозчике, которого насмерть загал вместе с его лошастью комиссар Зон, рассказ о солдате, который продавал соль с толченым стеклом, и наконец баллада о том, почему испортился в Петрограде водопровод. Узор комнатный, такой, который должен очень нравиться кузену Жоржу и тете Ане. Но все же есть хоть махонькое отражение жизни, а не просто запоздавший отголосок давно пропетых перепевов, занесенных во все энциклопедические словари. И мы готовы на минуту присоединиться к кузену Жоржу: очень, очень милые стихи. Продолжайте, mademoiselle!» (Цит. по: Минувшее: Исторический альм. Париж, 1989. № 8. С. 339–340).

И «mademoiselle» продолжала: в 1922 О. вместе с мужем, поэтом Георгием Ивановым, выехала через Берлин в Париж, едва ли предполагая, что там ей предстоит прожить 65 лет, прежде чем она снова увидит Петроград. В 1920-е ее стихи время от времени печатались в эмигрантских изд. Однако главным образом О. пишет и издает в это время прозу. До войны выходят 4 романа О.: «Наследие», «Ангел смерти», «Изольда» и «Зеркало». Они имели во Франции нема-

И. В. Одоевцева